

Глава 20. Снова в долгу

— Посмел бы он только! — проскрежетал зубами Чэ Жуйхэ. Он потянулся к Шан Юйшэну и ласково взъерошил тому волосы. — Не бойся. Что было, то сплыло. Если этот гад снова сунется к тебе, я обещаю: он до конца жизни из судов не вылезет.

Лишь теперь, спохватившись, Жуйхэ принялся осторожно осматривать друга:

— Ты как? Цел? Не ранен?

Шан Юйшэн измученно покачал головой.

— Послушай, — Чэ Жуйхэ решительно сжал челюсти, — поживи эти несколько дней у меня. Я места себе не найду, если ты останешься один.

Юйшэн снова качнул головой в знак отказа:

— Жуйхэ, спасибо за заботу, но я не могу втягивать тебя в это дерьмо.

Он тяжело вздохнул и продолжил:

— Ты же знаешь, как дедушка печётся о репутации. Он только-только ослабил поводок. Если он прознает, что ты ввязался в мои грязные разборки и бросил тень на семью Чэ, нам потом и видеться-то запретят.

Воздух в машине словно застыл. Чэ Жуйхэ на миг лишился дара речи, ощущая собственное бессилие. Он лишь крепче сжал плечо друга.

— Но я ведь не могу просто смотреть, как ты горишь, и ничего не делать!

Шан Юйшэн окончательно растерял свой недавний напускной оптимизм. Лицо его было бледным, он в отчаянии спрятал его в ладонях.

— Сейчас я боюсь только одного — фотографий. Что, если он их выложит? Этот сумасшедший... Он на всё пойдёт, я уверен.

Юйшэн в раздражении запустил пальцы в волосы, сжимая их до боли. Видя его охваченным ужасом, Чэ Жуйхэ почувствовал, как в горле встал ком. Слова утешения застряли где-то в глубине души. Даже если Юйшэн молчал, Жуйхэ прекрасно понимал, о какого рода снимках идёт речь.

Молодость любит риск, и в погоне за острыми ощущениями нет ничего зазорного. Но порой то, что казалось сладким моментом близости, в одночасье превращается в яростное пламя, способное испепелить блестящее будущее, которое строилось годами.

Жуйхэ медленно убрал руку с плеча друга. Юйшэн спрашивал, что делать, но ответа не было. Жуйхэ впервые столкнулся с подобным и не представлял, какой дельный совет дать в такой ситуации. Кроме глухого гнева, в нём жило лишь тягостное молчание.

И тут тишину прорезал холодный, уверенный голос Цзянь Линя, подействовавший как ледяной душ:

— Тот, кого держат за горло, не обязательно ты.

Шан Юйшэн и Чэ Жуйхэ разом обернулись к водителю. Цзянь Линь, не отрывая взгляда от дороги, плавно вращал руль.

— У любого безумца есть слабые места, — размеренно продолжал он. — Либо закон, либо болевая точка. Если ты не можешь найти способ нажать на его «мозоль» или припугнуть в ответ, иди путём закона. Пусть его упекут.

Он сделал паузу:

— Но твой статус накладывает определённые ограничения. Велика вероятность, что тебя затащит в этот омут вместе с ним. Риск огромен.

В тесном пространстве салона Цзянь Линь казался единственным, кто сохранил рассудок. Впрочем, это было неудивительно — дело его не касалось. Однако взгляды, которые он время от времени бросал на Чэ Жуйхэ, выдавали его истинную тревогу: Цзянь Линя заботило лишь состояние Жуйхэ.

Он не хотел, чтобы Жуйхэ расстраивался из-за чьих-то проблем. И ещё меньше он хотел, чтобы тот во всё это вмешивался, хотя у него самого не было ни права, ни статуса, чтобы это запретить.

— Нет, в полицию нельзя! Как я потом буду работать в этой индустрии? — Шан Юйшэн то бледнел, то багровел. — Я потратил столько лет, чтобы достичь нынешних высот. Заработал имя, деньги... И что, всё прахом из-за какой-то паршивой истории?

Цзянь Линь бросил на него мимолётный взгляд в зеркало заднего вида:

— Разумеется, это ни к чему. Значит, придётся действовать тоньше. Отплати ему его же монетой: сделай вид, что идёшь на поводу, прикорми его вниманием, чтобы он расслабился. А когда он потеряет бдительность, найди на него компромат. Какими методами ты будешь это

делать — решать тебе. Здесь никто не поможет.

Юйшэн едва заметно шевельнул губами.

— И другого выхода нет?

Цзянь Линь смотрел в зеркало бездонным взглядом.

— На данный момент этот путь — самый логичный. Можешь, конечно, попытаться всё простить и сойтись заново, но к чему это приведёт во второй раз, не знает никто.

Шан Юйшэн чувствовал, как виски пульсируют от боли, словно натянутые струны, готовые вот-вот лопнуть.

— Я же тебе говорил: смотри в оба, когда выбираешь партнёра, — не удержался от упрёка Чэ Жуйхэ. — Вот, допрыгался. Теперь тебя держат на крючке, ещё и проблем огреб столько... Ну и дурак же ты.

— Я и представить не мог, что всё так обернётся. Мне никогда не попадались такие фанатики, — Юйшэн был на грани срыва. — Сам виноват, повёлся на внешность. Подцепил в баре какую-то дрянь и притащил домой. А что такое бар? Место, куда все приходят развлечься. Смотрю — паренёк такой беленький, нежный, глаз радует. Ну и приударил, еле-еле своего добился. Честное слово, он казался таким ласковым, заботливым... Если бы не отъезд на учёбу, я бы и расставаться с ним не стал.

Жуйхэ недовольно фыркнул:

— Ага, а как наигрался — вышвырнул. Какой мужчина с характером такое спустит на тормозах?

— Да не вышвыривал я его! Мы расстались по-хорошему. Перед отъездом всё обсудили: пути расходятся, никто никого не преследует. Он тогда согласился! Кто же знал, что у него переменит? Начал истерики закатывать, мол, в Англию за мной поедет... Больной на всю голову.

Шан Юйшэн поморщился от неприкрытого отвращения:

— Я же для его блага хотел как лучше. В Лондоне он никого не знает, по-английски ни бум-бум — как бы он там со мной жил? К тому же у него здесь вся родня. Я не сторонник отношений на расстоянии и уж точно не собирался бросать учёбу ради него. Ты же знаешь, как для меня важна была та стажировка...

— И к чему теперь эти оправдания? — Чэ Жуйхэ прищурился. — Рано или поздно за старые долги приходится платить.

— Вот и пришёл час расплаты, — Шан Юйшэн в мучении обхватил голову руками.

Чэ Жуйхэ плотнее запахнул одежду, пытаясь согреться, и уставился в темноту за окном.

— Хватит об этих твоих любовных похождениях, тошно слушать. Лучше скажи, что за пацан на мотоцикле? Ты его знаешь? Очередная цель? Сразу предупреждаю: он совсем ребёнок. Если ты и на него зубы точишь, то ты настоящий подонок, и я в тебе разочарован.

Тот юноша, хоть и был высоким, выглядел максимум на восемнадцать-девятнадцать лет. В его одежде и манерах сквозила та самая дерзкая, мятежная аура юности, которая бывает лишь в эти золотые годы. Прекрасное и притягательное время.

У Чэ Жуйхэ тоже была такая пора. Самым отчаянным его поступком тогда стал подлог документов: втайне от всех он изменил выбранный вуз. Вместо престижного финансового университета, куда его прочили все родственники, он поступил на факультет дубляжа в Университет Ханьчэн. Семья тогда едва не разнесла дом в пух и прах, и Жуйхэ две недели не решался показаться на глаза дедушке.

Но он ни о чём не жалел. Озвучка была его единственной мечтой, миссией, которую он принял как наследство от матери. Он выбрал этот путь и собирался идти по нему до конца.

Жуйхэ до сих пор отчётливо помнил, как бродил по улицам в одиночестве. Под тусклым светом фонарей одиночество и неопределённость тянулись за ним, словно навязчивые тени, от которых невозможно избавиться. Но при этом на душе было легко и свободно. Он впервые чувствовал, что разбил оковы, и улыбался по-настоящему искренне.

Прошли годы, и теперь он с горечью осознавал, что беззаботная юность осталась позади. Сегодня ему исполнилось двадцать пять. Свечи не горели, торт остался нетронутым, желания не загаданы. Только холодный ветер нещадно хлестал в лицо.

Они высадили Шан Юйшэна и вернулись в центр города. Машина затормозила на углу, неподалёку от владений семьи Чэ. Выйдя из салона, Жуйхэ замер, глядя на залитый светом Особняк семьи Чэ. Издалека он казался величественным, но Жуйхэ видел в нём лишь крепость, изъеденную алчностью, где интересы корпорации стягивали всех домочадцев невидимыми цепями желаний.

Глядя на распахнутые чугунные ворота, Чэ Жуйхэ ощутил, как к горлу подкатывает удушье. Он выглядел глубоко уставшим.

— Цзянь Линь, ты устал? — тихо спросил он.

Цзянь Линь, не отрываясь, смотрел ему в спину. В его взгляде было столько тепла, что он, казалось, мог прожечь ткань пальто.

— Я очень устал. Отвези меня куда-нибудь, где тихо. Куда угодно.

—... Хорошо.

Просьба Жуйхэ отвезти его в тихое место заставила его гадать: куда же его доставит Цзянь Линь? На вокзал? В тихий кабинет отеля? В ночное кафе или какой-нибудь пустынный парк?

Но Цзянь Линь, вопреки всем ожиданиям, привёз его к себе домой.

Это был второй раз, когда Чэ Жуйхэ переступил порог квартиры Цзянь Линя. Здесь всё оставалось прежним: мебель в английском стиле и интерьер создавали атмосферу уюта и покоя. В воздухе витал тот самый тонкий аромат, который всегда исходил от самого хозяина.

— Кажется, сегодня ты ударил не того, — Цзянь Линь протянул ему стакан горячей воды, чтобы тот согрелся.

Шан Юйшэн рассказал им всё. В тот момент, когда лезвие ножа коснулось его живота, мимо переулка проезжал тот самый паренёк. Увидев, как кого-то в светлой одежде прижали к земле, юноша услышал крик о помощи, бросил мотоцикл и кинулся на выручку.

Раны на лице парня оказались результатом той самой потасовки. Вспоминая это, Юйшэн даже оживился: несмотря на худобу, сил пацану было не занимать, а дрался он дерзко, по-уличному. Никакой техники, одна голая ярость и напор молодости.

Порой внешность бывает обманчива. Тот, кто кажется хрупким и робким, может в одиночку тянуть на себе груз ответственности за семью; а мускулистый громила, внушающий чувство безопасности, может оказаться кухонным боксёром. В той неразберихе в переулке Жуйхэ было трудно признать в дерзком подростке спасителя.

Он ударил, не раздумывая. Стоило ему увидеть это юное, вызывающее лицо, как он тут же воспринял его как угрозу и бросился в атаку. Ошибка вышла глупая.

Теперь, успокоившись, он чувствовал уколы совести. Двадцать пять лет, а ведёт себя как вспыльчивый юнец.

— Юйшэн всегда западал на таких миловидных, вот я и подумал... — Жуйхэ решил, что парень — очередной обиженный бывший, пришедший мстить.

Вспомнив разбитое лицо юноши в чёрном, Чэ Жуйхэ в досаде взъерошил волосы.

— Прости. Я снова перед тобой в долгу.

И долг этот был немалым.

— Пустяки, — Цзянь Линь мягко улыбнулся. — Для меня честь быть рядом с тобой. По правде говоря, сегодня я был по-настоящему счастлив.

Просто потому, что весь этот день они провели вдвоём.

Чэ Жуйхэ впервые осознал, насколько это странное и чудесное чувство — иметь такого преданного человека рядом.

— Не говори так, — пробормотал он, чувствуя, как краснеют уши. — На самом деле ты гораздо лучше, чем я представлял. Ты сам по себе личность, которой хочется доверять. Неужели ты сам этого не чувствуешь?

Цзянь Линь сел рядом и чуть заметно покачал головой. Голос его прозвучал чисто, как лесной родник:

— Значит... ты будешь мне доверять?

<http://bllate.org/book/17503/1658352>